

С творческим наследием Юрия Кузнецова неразрывно связано понятие русского мифа. Обозначая в поэзии родовые чувства и интуиции, обращаясь к древним отеческим образам, Кузнецов шаг за шагом соединял кровное и евангельское. Такой художественный опыт можно считать предосудительным, еретическим, однако он вовсе не противоречит библейской заповеди «чти отца своего». Хотя привычно мы относим эти слова к сугубо семейным взаимоотношениям. Кузнецов же старался раскрыть в первую очередь их метафизическое содержание, а исторический контекст в его художественных построениях уходил на второй план.

Не однажды было сказано, что завтрашний день русской поэзии будет реализован в контурах русского мифа. Такая интерпретация литературного развития

выглядит притягательной, грозной и перспективной. Однако тотальное внедрение её в творческую жизнь способно сузить границы нашего бытия, поскольку отечественная поэзия всегда отличалась огромным спектром тем и панорамой изображения жизни. Тихая лирика, гражданское горение, философское сосредоточение и многие иные ракурсы поэтического зрения требуют самого разного эстетического и интеллектуального подхода к материалу. Отказываться от векового художественного опыта нельзя и приводить его к каким-то одним лекалам просто глупо.

На самом деле русский миф растворён в современной поэзии и присутствует в стихах порой в скрытой форме. Есть ряд поэтов, чьи произведения напрямую не соотносятся с практикой Юрия Кузнецова, но примыкают к ней вполне определённо и при ближайшем рассмотрении оказываются её дальним расширением. Русский миф в разной степени оказал влияние на стихи Владимира Скифа, Светланы Сырневой, Евгения Семичева, Дианы Кан, Геннадия Ёмкина, Александра Нестругина. Лирический герой в их сюжетах тонко чувствует природу, видит её волшебную многомерность, понимает значение речных, лесных, полевых знаков и примет. Объём живой среды, окружающей русского человека, насыщен дуновениями запредельного, и нужно вспомнить древние

смыслы, чтобы ощутить себя в единстве с Богом созданным природным окоёмом. Так возникает почти звериное чутьё ко всему внешнему у героя стихотворений Нестругина. И ты понимаешь, что перед тобой — неведомо как ожившее устройство души ещё былинного времени.

Организация пространства и как будто житейских действий у Светланы Сырневой смещена в бытийную сторону. Детали вневременной картины подсвечивают социальный контекст и узнаваемый современный пейзаж. Но внезапно на первом плане властно проявляются черты извечного русского характера. И это двойное «выглядывание» таинственного и онтологически знакомого из обыденности завораживает читателя, в сердце которого неожиданно начинает аукаться наше забытое и во многом погрязшее прошлое.

Странное соединение мифологического письма Кузнецова и образа мира «по Николаю Рубцову» найдём в стихотворениях Владимира Скифа. Примечательно, что миф здесь являет себя в пограничных ситуациях, когда речь идёт о жизни и смерти человека и страны, истории и самой родной земли. Тогда как мягкая, сугубо лирическая интонация возникает в сюжетах глубоко сокровенных. Впрочем, элементы мифа можно найти и в творчестве самого Рубцова.

Так важнейший ключ к осмыслению и изображению русского

мира на изломе тысячелетий появился в поэтическом творчестве Юрия Кузнецова в качестве непререкаемой доминанты, и уже затем мифологическое видение событий как будто стало «подтягиваться» к этому смысловому стержню, обнаруживая себя в самых разных именах и лирических вселенных. Наталья Кожевникова, Валерий Михайлов, даже погружённый в повседневность Юрий Перминов — все они кровные братья и сёстры русского человека, воплощённого в образах Кузнецова.

У Юрия Кузнецова нет и не может быть прямого поэтического наследника, потому что в литературе такая характеристика обладает качествами вторичности. Но словно магнит, Кузнецов стянул в одно поле самых разных поэтов и нашёл в них общее звено: тайну русского прошлого, которая не может быть нами разгадана до конца, но вполне в состоянии подарить нам сегодня

интуитивные способы отображения мира; важнейшие качества почвенного человека, его способность соединить вживую бессмертную душу и бессловесный мир воды, земли, зверей и птиц, растений...

В Небе, как в зеркале, отражались все коллизии стихотворений Кузнецова, и это обстоятельство оказывается важнейшим свойством его художественной вселенной. Он прошёл путь, на первый взгляд, весьма противоречивый: от поэта современного — к художнику, который смотрит на сегодняшний мир древними очами, и далее — к православному визионеру, совместившему русскую архаику с христианским устройством космоса. Нам нет нужды примерять на себя все его пристрастия. Куда важнее координаты, о которых не должно забывать наша поэзия.

Именно об этом — русский миф в транскрипции Юрия Кузнецова.